

*Фукс-Шаманская Людмила Петровна
независимый исследователь, Бамберг*

ФЕНОМЕН FRANKEN-KRIMI

***Аннотация.** В статье рассматривается феномен такого явления, как франконский региональный детектив. Делается попытка выявить основные отличительные признаки этого поджанра детективной литературы и эволюцию его развития в период с 2005 по 2024 годы.*

***Ключевые слова:** франконский региональный детектив, детективная литература, региональный криминальный роман, криминальный жанр.*

***Abstract.** The article examines the phenomenon of such a statement as Franconian regional detective. An attempt is made to identify the main characteristics of this subgenre of detective literature and the evolution of its development in the period from 2005 to 2024.*

***Keywords:** Franconian regional detective, detective literature, regional crime novel, criminal genre.*

По статистике детективы являются второй по популярности литературой в Германии после классических романов. Почти четверть выпускаемых издательствами книг составляет детективный жанр. При этом бóльшая часть – это произведения англоязычных авторов, а в собственно немецком секторе книжного рынка доминирующее место занимает региональный криминальный роман. Литературоведение только начинает осознавать потенциал этого жанра: и с точки зрения методологии, и с точки зрения теории повествования, региональные детективы до сих пор не получили должного культурологического внимания. Хотя в литературоведении нет единого понимания термина «региональный криминальный роман», попытки дать ему определение предпринимались не раз. Так, например, Duden определяет его как «...имеющий тесную связь с конкретным регионом или городом» [1]. Проблема такого определения заключается в том, что не уточняется понятие связи. Означает ли это, что преступление должно происходить в одном определенном месте? Однако в этом случае вообще нивелируется понятие региональный детектив, так как преступление всегда совершается в одном определенном месте. Скорее всего, в таком произведении должен быть отражен местный колорит. Тогда встает вопрос о том, каким образом этот колорит должен быть введен в структуру

романа, должен ли он участвовать в развитии действия или оставаться неким безучастным фоном, на котором развиваются события повествования? Какая роль отводится местным особенностям в романе? Вот вопросы, которые требуют изучения. По-видимому, прежде всего необходимо определить, какие региональные элементы включены в повествование, потому что не каждый криминальный роман, действие которого происходит в названном городе или регионе, автоматически относится к этому конкретному поджанру. Уже в названии есть первая подсказка. Мало того, что регион, в котором разворачивается история, должен быть хорошо известен, он также должен демонстрировать свои особенности: очарование или грубые стороны. Степень того, насколько глубоко автор вникает в эти вопросы, различна. Обычно региональные диалекты включаются в диалоги, называются реально существующие улицы, деревни и участки земли, упоминаются реально существующие проблемы этого региона или даже включаются в сюжет и становятся основой темой, важными также могут быть прошлое или будущее соответствующего региона. Конечно, читателей особенно привлекает возможность снова узнать себя и свой дом и, как правило, возможность отодвинуться от городской анонимности. Чтение названия известной улицы, определение знакомого места по описанию, возможно, даже изучение особенностей жителей региона – вот, по-видимому, главные элементы, которые создают связь между романом и читателем.

Принято считать, что автором, положившим начало этому поджанру в Германии, был Жак Берндорф²⁰ (*Jacques Berndorf*, 1936–2022), действие романов которого происходило в одном и том же городке. Первый роман был издан в 1989 году. Его название, как и названия всех следующих романов этой серии, включали название местечка – Айфель (*Eifel*): «Золото Айфеля» (*Eifel-Gold*, 1993), «Любовь Айфеля» (*Eifel-Liebe*, 2002), «Вода Айфеля» (*Eifel-Wasser*, 2001) и т.д. Германист из Мюнхена З. Лойендорф писала по этому поводу: «...новым в его романах является то, что он придает большое значение региональному назначению своих книг, он заставляет свою команду следователей действовать и расследовать исключительно в Эйфеле» [2, S. 37], и далее Лойендорф приводит еще один аргумент в пользу того, что романы Берндорфа – это именно региональные детективные романы: «... он строит свой сюжет так, чтобы он вписывался в Эйфель. Он не пишет абстрактный детективный роман и не смотрит, в какой город он мог бы вписаться, но он берет Эйфель и создает детективные романы, соответствующие местным жителям и типичной сельской местности. Такого масштаба феномен не наблюдается ни у Чендлера, ни у Кристи» [2, S. 56].

²⁰ Жак Берндорф – творческий псевдоним Михаэля Прута (*Michael Prut*).

Романы Бернсдорфа, однако, на вызвали появления значительного числа последователей, настоящий бум регионального криминального романа пришелся на более позднее время – на начало двухтысячных годов. Именно в это время написание и чтение региональных детективов стало настоящим поветрием. Газета Tagesspiegel в статье «Региональный криминальный роман: каждой глубинке свой детектив» (*Regionalkrimi: Jedem Kaff sein Krimi*, 2016) ссылается на Лизу Купплер, редактора одного из берлинских издательств, которая жалуется, что «региональное безумие зашло так далеко, что издатель сказал одному из ее авторов: «Мы берем твой детектив. Но он не должен разыгрываться в Берлине – отправьте его в Альгой», потому что Альгой был в самом разгаре. При этом, мягко выражаясь, «замаять» преступление не так-то просто. Места и улицы должны иметь голоса, достопримечательности и типичные для местности фразы. Не менее важно: менталитет. На севере вы довольно жестки, на юге легкомысленны, в Берлине дерзки или находитесь на периферии общества. <...> В сельской местности живут хромоножки, а в городе – офисные жеребцы. Стереотипы, стереотипы» [3].

Несмотря на невысокое в массе своей качество этого потока криминальных романов, владелец кельнского издательства Emons Хейо Эмонс объясняет популярность этого жанра тем, что «...во всей этой путанице глобализации люди цепляются за то, что близко» [4]. Действительно, региональность получила свое собственное место на фоне вездесущей глобализации и в свете провозглашенной в Европейском союзе «Европы регионов». Находясь вне оппозиции между своей и чужой культурой, она предлагает собственный потенциал для формирования идентичности, так как региональный роман описывает ситуацию на пространственно определяемой национальной территории. Статистика показывает рост популярности региональных детективов по всей Германии, но наибольшее распространение этот поджанр получил на севере, в Остфризене, Мекленбурге, Бранденбурге, и на юге, в первую очередь, Баварии. Внутри Баварии лидирующее положение занимает Франкония²¹. Именно на франконском криминальном романе мне хотелось бы остановиться, потому что в нем, как в капле воды отражаются те тенденции, которые способствуют развитию этого поджанра криминальной литературы.

В 2005 году издательство Ars Vivendi в Гадольсбурге выпустило первые книги под общим именем «Франконский детектив» (*Franken-Krimi*), которые нашли такой широкий отклик у читателей, что вскоре маленький ручеек превратился в широкий поток. В каждом книжном магазине Баварии появился стеллаж с книгами этой

21 Франкония – северный регион Баварии, включает в себя три административные единицы – Нижняя, Средняя и Верхняя Франкония (Unter-, Mittel- und Oberfranken).

серии, в которых рассказываются детективные истории, место действия которых один регион – Франкония. В каких же формах присутствует франконский колорит в романах этой серии?

Прежде всего следует обратить внимание на наиболее очевидное представление Франконии в этом жанре – на топонимику. География региона представлена во всех без исключения романах, и это вполне естественно. Однако степень «вовлеченности» топонимов в действие весьма различна. Есть авторы, которые просто озвучивают названия улиц, районов, каких-либо знаковых мест города или деревни. Так, например, Фридерике Шмёе (*Friederike Schmöe*, род. 1967) в романе «Игра масок. Первое расследование Катинки Пальфис» (*Maskenspiel. Katinka Palfys erster Fall*, 2005) так описывает поездку главной героини, которая поспешно спасается от преследования: «Катинка быстро свернула налево, рванула против одно-стороннего движения. Она проскочила по Маркусбрюкке, свернула сразу направо и помчалась вдоль рыбацких домиков, пока не достигла управления здравоохранения на Капуцинерштрассе. Полная странного воодушевления, она давила на педали, все время оглядываясь назад. На Лангенштрассе некоторые пивные были еще открыты, и последние посетители выходили на улицу. Потом, проехав через Бёттерпассаж до Театергассе, промчалась мимо театра имени Гоффмана, свернула на Хайештрассе и еще раз на Амалиенштрассе. Этот хаотический маршрут к дому Тома совсем ей не нравился» [5, S. 216]. Понятно, что это нагромождение названий улиц служит созданию эмоционального напряжения в этой мизансцене, однако читателю, не знакомому с географией Бамберга, в котором происходит действие, эти названия ничего не говорят и он не может представить себе эту картину. В то же время для читателей – жителей Бамберга все выглядит иначе, так как они прекрасно знают ландшафт города с его постоянными подъемами и спусками и для них эта картина преследования играет совершенно иными красками. Становится понятно, что книга адресована в первую очередь жителям Бамберга или гостям города, которые хорошо его знают.

Иначе используется городской ландшафт в романах Инесс Шефер (*Ines Schäfer*, род. 1957) из Эрлангена. Она сосредотачивается на деталях, порой абсолютно незначительных, которые, однако, тесно связаны с описываемым местом. Так, в романе «Золото Регнитца» (*Regnitz Gold*, 1999) герой, прогуливаясь по перрону эрлангенского вокзала в ожидании поезда, отмечает в находящемся справа от перрона дачном садике домик с заросшей мхом крышей, старый гриль, пустые грядки, пластиковую голубую детскую горку, под которой с удивлением обнаруживает лежащий там труп [6, S. 112]. Читатель, который окажется на этом перроне, несомненно, будет искать взглядом этот садик и эту горку. И каково же должно

быть его удивление, когда он действительно обнаружит их там. Так читатель становится участником действия.

Авторы пытаются не только детально описать то или иное место, но и передать его атмосферу. Интересно то, что Инес Шэфер в романе «Золото Регница» и Иоханнес Вилкес (*Johannes Wilkes*, род. 1961) в романе «Дело Рюккерта» (*Der Fall Rückert*, 2016) [7], описывая, например, рыночную площадь Эрлангена, обращаются к одним и тем же деталям – они не только изображают горы местных овощей и фруктов, выращенных в «стране чеснока» – сельскохозяйственном пригороде Нюрнберга, но и отмечают присутствие итальянских сыров, а также группы туристов или школьников около памятника герцогу, которым экскурсоводы рассказывают эпизоды из истории города. Например, Иоханнес Вилкес так описывает Рыночную площадь Эрлангена: Карл-Дитер прогуливался «в уютном спокойствии по Рыночной площади Эрлангена. <...> Он был человеком наслаждения в барочном смысле, и это было его убеждением. <...> Всякий раз, когда выдавалась возможность, он всеми своими органами чувств впитывал впечатления города, как и во время сегодняшней прогулки по Рыночной площади, которую он так любил. Что за живое движение царило здесь! Бесчисленные прилавки с их разнообразными продуктами, которые в большинстве своем были доставлены из этого региона, с полей, которые местные жители называют Чесночная страна, к тому же прилавки с сыром, небольшой мясной ряд. Сердце, чего тебе еще желать? <...> Карл-Дитер купил килограмм бамбергских рожек, в высшей степени вкусный, с собственным характером сорт местного картофеля, и сочный кочан салата» [7, S. 14–15]. А Инес Шэфер, на мой взгляд, гениально передает атмосферу традиционного весеннего праздника Кирхвай – что-то вроде мюнхенского Октоберфеста, который в Эрлангене называется Бергкирхвай. Когда один из ее героев, собирается на этот праздник, читатель вместе с ним предвкушает удовольствие от посещения этого праздника пива: «...насвистывая, он натянул свои наистарейшие штаны и пуловер и закрепил на ремне значок K-Way. Так он ходил уже тридцать лет на Бергкирхвай. Ничего с тех пор не изменилось. Он достал с полки свои старые кроссовки – последнее воспоминание тех времен, когда ни его вес, ни занятость на работе в клинике не мешали ему заниматься спортом. <...> Потом он вытащил из подвала свой велосипед, который был самым старым членом семьи, а Ютта стыдилась показываться на нем в городе. <...> Юрген нажал на педали. Пропади пропадом клиника! Он чувствовал себя молодым, жизнь была прекрасна. Он встретится с парой старых друзей, выпьет одну, две, три кружки пива, совсем не обязательно напиваться. Пахло травой и весной, если ветер дул с горы, можно было уже услышать музыку, почувствовать запах жареных колбасок» [8, S. 79–80].

Как правило, в сознании читателя тот или иной город или регион связывается с определенными знаковыми местами. Например, Нюрнберг, прежде всего ассоциируется со зданием Рейхспартайтага, в котором партия Гитлера НСДАП проводила свои съезды, а на находящемся рядом Цеппелинфельд – поле для взлета и посадки дирижаблей – нацисты маршировали на парадах. Также каждый франконец знает знаменитую Себальдускирхе – одну из самых старых церквей города. Бамберг ассоциируется со знаменитым садом роз в резиденции бамбергского епископа, бронзовой фигурой всадника в соборе, знаменитым трактиром «Шленкерла» (*Schlenkerla* – хромоногий) и с одним из старейших университетов Франконии – университетом имени Отто-Фридриха. Эрланген, город, который принял изгнанных из Франции гугенотов, – это прежде всего корпорация Сименс и Гугенотенкирхе. Региональные авторы широко используют эти топонимы, причем названия таких мест или объектов тесно связаны с историей города, что создает дополнительные возможности для обыгрывания детективного сюжета. Так, в романе «Слепая зона» (*Toter Winkel. Ein Jeannette Dürer Krimi*, 2000) Тессы Корбер (*Tessa Korber*, род. 1966) преступник демонстративно убивает свои жертвы на фоне Рейхспартайтага, а также в подвалах Себальдускирхе, где в Средние века инквизиция истязала свои жертвы. Таким образом современное преступление символически связывается с историческими, хотя для фабулы романа история не имеет никакого значения [9]. А в уже упоминавшемся романе «Игра масок» Фридерике Шмёе, напротив, типичные отношения внутри академической среды бамбергского университета становятся главной причиной совершенного здесь преступления. Автор так описывает атмосферу университета: «В ее памяти вспыхнуло воспоминание о академическом неврозе, нервных срывах времен ее студенчества. Изощренные обвинения, неприязнь, зависть. Все время идущая исподтишка критика из-за личной враждебности, которая распространялась и на профессиональную сферу, и установка быть лучшим, лучше, чем все остальные, даже если эта великая истина еще не успела достаточно потрясти мир» [5, S.17]. Таким образом действие не только локализовано в конкретной и определенной местной топографии, но делает ее предметом мизансцены, взаимодействия фигур и даже самого изображаемого преступления.

Несомненное первенство в элементах, создающих региональный колорит текстам романов, занимают диалекты, на которых часто говорят герои. Диалектов в Франконии великое множество, часто бывает так, что жители деревень, находящиеся на расстоянии менее одного километра, говорят фактически на разных языках. Это дает автору огромные возможности для речевой характеристики героев. Фридерике Шмёе – возможно, потому что она сама германист и преподает

в университете Бамберга – широко использует этот прием, не только для характеристики одного из неповоротливых полицейских, но и вводит эту тему как предмет обсуждения героев. Причем оценку франконского диалекта Бамберга, как правило, она вкладывает в уста иностранцев или жителей других регионов Германии. Так, друг главной героини, приехавший в Бамберг из Берлина «ненавидел неповоротливый франконский диалект, который на протяжении своей истории исключил из себя звуки П и Т. Он страшно злился из-за того, что из его молодежеского имени Том Тиле в Бамберге сделали нелепое – Дом Диле» (что-то вроде соборная ступенька, доска – прим. – Л.Ф.-Ш.) [5, S. 97]. Его также удивляют некоторые специфические выражения бамбергцев: «Идти на подвал» – было первым бамбергским крылатым выражением, которое Том, как он сам утверждает, выучил. Его берлинским друзьям, которые время от времени предпринимали путешествия на юг, он восторженно объяснял каждый раз понятие «пивной подвал»: Пивовары до изобретения холодильников хранили свое пиво в подвале, сделанном в горе. А пили его наверху, на горе, поэтому пить пиво в Бамберге идут не в подвал, а на подвал» [5, S. 138]. А приехавший из Франции молодой преподаватель Людовик Монтфорт возмущается: «Я привык на занятиях по немецкому языку, что нужно говорить из Бамберга, из Мюнхена, из Парижа, но здесь говорят от Бамберга. Здесь, в этом прекрасном городе, я вынужден постоянно слышать, как растаптываются выученные мной правила» [5, S. 36].

Другим элементом для воссоздания местного колорита выступает история региона. Тесса Корбер и Эльмар Таннерт (*Elmar Tannert*, род.1964) издали книгу рассказов [10], в которых в художественной форме повествуется о двенадцати реально произошедших в Франконии преступлениях от Средних веков до XX века. Действие рассказов происходит как в небольших деревушках, так и в городах Франконии. Местные особенности играют здесь роль фона повествования, который воссоздает также атмосферу исторической эпохи.

Критики отмечают, что региональный криминальный роман со временем все больше отзывается на политические и социальные проблемы современной Германии. Авторы не могут пройти мимо повсеместного внедрения так называемых «европейских ценностей» – толерантности по отношению к мигрантам, гендерным проблемам, движению ЛГБТ. Отражается в романах этого поджанра и до сих пор не решенная проблема отношений восточных и западных немцев. Освещение этих проблем подается в том ключе, в каком видят их авторы. Так Тесса Корбер в романе «Слепая зона» вводит проблему гомосексуализма исподволь, не говоря о ней прямо. Напарник по работе главной героини Жаннет Дюрер – гомосексуалист Мартин Клауер, но об этом никто не должен знать, поэтому Жаннет и Мартин

изображают влюбленную пару. В ходе расследования преступления Жаннет знакомится с профессором Йозефом Бруннером и влюбляется в него. В конце романа она готова признаться профессору в своих чувствах, но, когда входит в палату больницы, где находится раненный профессор, она видит рядом с ним счастливого Мартина. Наконец-то он нашел свою любовь. Огорченная Жаннет не подает виду и желает им счастья. Последняя сцена романа рисует читателю Жаннет, которая едет в Франконскую Швейцарию, небольшой горно-лесной массив, чтобы там в одиночестве на фоне любимой природы пережить очередное разочарование в любви. «У въезда в долину Визенда (река в Франконской Швейцарии – прим. – Л.Ф.-Ш.), она направилась в сторону Вальберла (гора – символ Франконии – прим. – Л.Ф.-Ш.), припарковалась и вышла в поле с фруктовыми деревьями. Когда она наконец поднялась на вершину и сквозь траву увидела вдали часовню, она почувствовала себя намного лучше.

Еще ребенком она очень любила Вальберла из-за ее плоской вершины с нежными лугами, которые, казалось, парили в небе, как те воздушные змеи, которые часто здесь запускают. ... Сегодня ее взволновало то, что вершина раньше была кельтской крепостью Флиебург. Она проглядывала сквозь зелень, ясно и четко разделенная на каменно-серое, травянисто-зеленое и небесно-голубое, но в действительности это была история в каждом ее сантиметре. <...> Каждый раз, когда она была здесь, сильно билось ее сердце. Она вспомнила слова о следах непостижимой непонятной деятельности человека. Это было правдой. Эта деятельность остается здесь в собственной мудрости надо всем, верная непостижимым изменениям. Утешительная мысль. <...> Широко раскинулась перспектива, до самой далекой дали, как на картинах Брейгеля. Не захватывающе, но красиво. Жаннет кивнула умиротворенно и начала спускаться» [9, S. 214–215]. Автор, словно соглашаясь и с такого рода «непостижимой непонятной деятельностью человека», как гомосексуализм, показывает героиню, успокоенную природой и одновременно смирившуюся с непонятной ей «новой реальностью», которая лишила ее любви, в то время как любовь достается гомосексуальной паре.

Иначе проблематика ЛГТБ показана в романах Йоханнеса Вилькеса. Йоханнес Вилькес по образованию психиатр и еще в своих ранних рассказах пользовался довольно интересным методом, который можно назвать психологической реконструкцией. Он воссоздавал возможный поток мыслей исторического персонажа, который объяснял тот или иной его поступок. Для написания криминальных романов этот метод весьма плодотворен. Кроме того, этот автор написал немало путеводителей по городам и регионам Германии. Он очень талантлив именно в умении воссоздать ауру описываемого места. Поэтому жанр регионального криминального романа как будто специально создан для Вилькеса. Серия из его семнадцати

романов объединена образами главных героев – это полицейский комиссар Мютце и его гомосексуальный партнер Карл-Дитер. Действие происходит не только в Франконии, но и в других регионах Германии. Так, описывая в романе «Дело Рюккерта» (*Der Fall Rückert*, 2016) Эрланген как идиллический, «милый городок», в котором «все выглядело раем» [7, S. 12], автор показывает счастливыми, добрыми, интеллигентными людьми едва ли ни единственно эту гомосексуальную пару. Они, особенно Карл-Дитер, который ведет эту линию в романе, настолько милы, что иногда кажутся несколько приторно слащавыми, в то время как гетеросексуальные пары в его романах или вовсе не представлены, или же наоборот показаны в самом неприглядном свете: жены изменяют мужьям, мужья превращаются в деспотов и все постоянно лгут. Так, описывая жертву убийства, сотрудницу университетской библиотеки шестидесятидвухлетнюю старую деву, автор подчеркивает не соответствующее возрасту шелковое белье, яркую помаду и презерватив в сумочке. А когда Комиссар Мютце зачитывает Карлу-Дитеру письмо из вскрытой криминалистами интернет-переписки жертвы с неизвестным мужчиной, Карл-Дитер произносит со снисходительным сожалением: «Ну да, эти гетеро!» [7, S. 21]. Идиллический Эрланген в романах Вилькеса – город для гомосексуалов. Во всех романах этой серии автор в стиле психологических реконструкций своих ранних рассказов постоянно представляет внутренние монологи Карла-Дитера, который размышляет о гомосексуальности, находит ее примеры в истории, ищет причины ее в детских психологических травмах. Так в романе «Дело Фонтане» (*Der Fall Fontane*, 2019) он рассказывает, как прусский король Фридрих Великий стал геем. «Это значит лишь, что кронпринц Фридрих был гей. Вместе с Катте, своим дорогим товарищем, он хотел сбежать от своего холерического отца, солдатского короля. Его побег был раскрыт, Фридриха строго охраняли. Однажды отец в крепости Кюстрин подвел его к окну. Оттуда кронпринц должен был наблюдать, как внизу, во дворе казармы его другу была отрублена голова. <...> Огромный шок в его жизни» [11, S. 52]. При этом собственную гомосексуальность он также объясняет отсутствием внимания к нему в детстве отца. А когда он чувствует особую приязнь к своей новой знакомой Лизе, его это очень беспокоит: «Черт побери! Он должен быть начеку? Неужели он влюбился? Ах, глупость, говорил он сердито себе. Это всего лишь родство душ, и ничего другого. <...> И если он даже не включит внутренние тормоза, ничего не случится. Гей всегда гей, и это хорошо!» [11, S. 81].

Грубоватый и упрямый характер франконцев, их настороженное отношение ко всему чужому, в том числе и к коммунистическому прошлому вновь обретенной части Германии – бывшей ГДР, – Вилькес концентрирует в образе комиссара Мютце, когда тот в путешествии с другом по Бранденбургу постоянно подсмеивается над теми или иными сторонами ГДР-овского прошлого. «Поразительно, как

много еще улиц Карла Маркса в Бранденбурге, и улиц Розы Люксембург, и Карла Либкнехта. Каждый крошечный поселок презентует какого-нибудь коммунистического идола. Революция, как минимум, в названиях улиц. Названия улиц всех стран, соединяйтесь! – рассмеялся Мютце» [11, S. 48]. Нужно сказать, что творчество Йоханнеса Вилькеса выбивается из общей палитры франконского детектива: если изначально этот поджанр противопоставлял собственную национальную идентичность обезличиванию глобализации, то Вилькес фактически внедряет в традиционную национальную картину элементы ранее этой традиции чуждые, но получающие все большее распространение в современной Франконии. Автор становится скрытым и в силу своего таланта очень опасным проводником идеологии «новой нормальности», а если учесть, что он обращается в своих романах прежде всего к городской молодежной части читателей, которые плохо знают жизнь периферии региона, деревень и небольших городков, где традиция еще довольно сильна, то опасность такого рода скрытой пропаганды становится еще выше.

Антиподом авторской позиции Вилькеса может выступить молодой писатель Томас Гайслер (*Thomas Geissler*, род.1998) с его первым романом «Афера в коровнике» (*Kuhstahl-Affäre*, 2019). Полный яркого юмора роман рассказывает о сотруднице криминального отдела нюрнбергской полиции Катарине Бэрнройтер, которая по служебной необходимости должна заменить участкового полицейского в глухой деревушке Унтерфибах (что можно перевести как Нижний ручей для скота), откуда она родом. Девушка возвращается в родительский дом и по-новому переживает все особенности франконской деревенской жизни. Автор досконально описывает неприменную молитву перед обедом, воскресное посещение церкви, детально представляет блюда франконской кухни, которыми потчует героиню ее мать. Одно из преступлений, которое приходится расследовать героине, связано с ежегодно празднуемым в провинциальной Франконии Ивановым днем, который там называется Йоханнесфойер (Иванов огонь): жители соседней деревни, чтобы испортить соседям праздник, сожгли ночью приготовленный для праздничного костра хворост. Обязательно присутствует в романе местная сплетница, которая узнает все раньше, чем представители полиции, и хозяин трактира (*Gasthaus*), который также знает все и обо всех. Представлена также особая продукция франконского садоводства – груша в бутылке. Автор описывает это так: едва завязавшиеся плоды груши помещают в привязанную к ветке бутылку, так что маленькие плоды растут далее в бутылке и могут позже быть собраны совершенно обычным образом. И это создает известный вау-эффект, когда на рынке люди спрашивают, как такая большая груша могла пролезть в такое узкое горлышко бутылки. В любом случае в бутылку позже наливают шнапс «Вилли» – так получается известный фруктовый шнапс Вильямсхристбирнен (*Williams-Christ-Birnen*). Автор вводит

в повествование особые местные крестьянские названия, например, короткий дождливый период в июле называют «собачьи дни» (*Hundstage*) и стараются успеть до этого времени собрать урожай вишни. Не остается без внимания автора ушлая хитрость франконского крестьянина: Брат и дед главной героини решили собрать в сарае самогонный аппарат. Далее происходит такой обмен репликами: «Итак, вы хотите нелегально варить самогон, обойти налоги и все это несмотря на то, что сотрудник полиции живет с вами под одной крышей?» – «Как раз именно поэтому: ты идеальное прикрытие. Кому придет в голову, что сотрудник полиции ведет такую нелегальную деятельность», – объяснил мне Ханнес их продуманный коварный план» [12, S. 104]. Роман изобилует нелепыми ситуациями, которые оказываются возможными как раз из-за своеобразного характера франконцев. В художественном отношении начинающий автор, двадцатишестилетний Гайслер уступает опытному шестидесятилетнему Вилькесу, однако в приверженности родному краю и его традициям он значительно выигрывает.

Критик, автор и эксперт криминального жанра Райнхард Ян (*Reinhard Jahn*, псевдоним *H.P. Karr*) заметил, что «региональный криминальный роман – это часть литературы родной стороны (*Heimatliteratur*)» [13]. А *Heimatliteratur* – это консервативная реакция на социальные радикальные перемены. Если в XIX веке это был переход к индустриализации и модерну, то в наше время человек стоит перед опасностью потерять себя из-за гендерной идеологии, внедрения интернет-технологий и стирания национальных границ. Поэтому столь сильно стремление читателя отдохнуть в словесном окружении того, что ему хорошо знакомо, чему он доверяет, где он чувствует себя как дома.

Однако на примере Франкенкрими мы можем видеть, как зародившийся в начале 2000-х годов консервативный поджанр, изначально нацеленный на поддержание традиции и национального самосознания франконцев, постепенно в 2020-е годы начинает превращаться в нечто противоположное – в жанр, не только отражающий разрушение этой традиции под грузом всеобщей европейской глобализации, но и становящийся проводником, и даже пропагандистом западной «новой нормальности».

ЛИТЕРАТУРА

1. Regionalkrimi / Duden online [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.duden.de/node/119861/revision/119897>. – Дата доступа : 23.10.2023.
2. Leuendorf, S. Der Regionalkrimi im Westen von Deutschland: Poetik und Entwicklung eines Genres / S. Leuendorf. – Saarbrücken : VDM Verlag Dr. Müller, 2013. – 144 S.
3. Heinrich, J. Regionalkrimis: Jedem Kaff sein Krimi / J. Heinrich // Tagesspiegel online. – Режим доступа : <https://www.tagesspiegel.de/kultur/jedem-kaff-sein-krimi-3750331.html>. – Дата доступа : 15.04.2024.

4. Drews, E. Emons auf der Frankfurter Buchmesse. Für Emons ist regional kein bisschen provinziell / E. Drews // Stuttgarter Zeitung online. – Режим доступа : <https://www.stuttgarter-zeitung.de/inhalt.emons-auf-der-frankfurter-buchmesse-fuer-emons-ist-regionak-kein-bisschen-provinziell.4484bd2-4559-46e0-b3ceb03963d.html>. – Дата доступа : 15.04.2024.
5. Schmöe, Fr. Maskenspiel. Katinka Palfys erster Fall / Fr. Schmöe. – Meßkirch : Gmeiner-Verlag GmbH, 2005. – 277 S.
6. Schäfer, I. Regnitz Gold. Erlanger Stadtkrimi / I. Schäfer. – Der dritte Teil. – 2. Auflage. – Lauf an der Pegnitz : Fahner Verlag, 2003. – 328 S.
7. Wilkes, J. Der Fall Rückert / J. Wilkes. – 4. Auflage. – Cadolzburg : Ars Vivendi, 2016. – 272 S.
8. Schäfer, I. Der steinerne Markgraf. Erlanger Stadtkrimi / I. Schäfer. – Lauf an der Pegnitz : Fahner Verlag, 1999. – 198 S.
9. Korber, T. Toter Winkel. Ein Jeannette Dürer Krimi / T. Korber. – 5 Auflage. – Berlin, Aufbau : Taschenbuch Verlag, 2006. – 216 S.
10. Korber, T. True Crime Franken. Wahre Krimifälle von 1208 bis 1972 / T. Korber, E. Tannert. – Cadolzburg : Ars Vivendi, 2021. – 224 S.
11. Wilkes, J. Der Fall Fontane / J. Wilkes. – Meßkirch : Gmeiner-Verlag. – 2019. – 282 S.
12. Geissler, T. Kuhstahl-Affäre / T. Geissler. – Norderstedt : Books On Demand, 2019. – 382 S.
13. Jahn, Reinhard. Was ist Regionalkrimi? / R. Jahn. – Режим доступа : <http://krimiblog.blogspot.com/2009/09/was-ist-ein-regionalkrimi-eine-autopsie.html>. – Дата доступа : 18.04.2024.